

Кальнин Артем Михайлович

СЕМИОСФЕРА ВЛАСТИ В ФИЗИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВЕТСКОГО НАЛЬЧИКА

В статье дается краткий анализ символического пространства центра города Нальчика как столицы КБА ССР, рассмотренный сквозь призму идеологического дискурса советского государства. Рассматриваются такие аспекты социально-политического существования городского пространства как регуляция отношений властных структур и граждан посредством архитектурного стандарта города.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/18.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. II. С. 68-71. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

MIGRATORY PROCESSES AS THE INTENSITY FACTOR OF INTERCULTURAL COMMUNICATIONS

Ol'ga Borisovna Istomina, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Department of Social Sciences
Angarsk State Technical Academy
olgaistomina@mail.ru

The article is devoted to the questions of inter-cultural communications under the conditions of multinational region. Cultures interaction intensity as well as the degree of the probability of nationalities inter-ethnic contacts are the derivatives from national structure mosaicity. Mosaicity index is determined by the ratio of national groups in the region by numerical criterion. The dominating factor determining movement forms and population structure according to the sex-and-age, national, professional-legal and other criteria is migration.

Key words and phrases: migration flows; international contact; national structure mosaicity; inter-ethnic interaction intensity.

УДК 94(47).084.9:394.014

В статье дается краткий анализ символического пространства центра города Нальчика как столицы КБА ССР, рассмотренный сквозь призму идеологического дискурса советского государства. Рассматриваются такие аспекты социально-политического существования городского пространства как регуляция отношений властных структур и граждан посредством архитектурного стандарта города.

Ключевые слова и фразы: власть; город; семиосфера; социальное и физическое пространство; Нальчик.

Артем Михайлович Кальнин

Кафедра истории и этнографии народов Кабардино-Балкарии
Кабардино-Балкарский государственный университет
dominicanes3@rambler.ru

СЕМИОСФЕРА ВЛАСТИ В ФИЗИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВЕТСКОГО НАЛЬЧИКА[©]

Начиная со второй половины 1950-х годов, политический курс советского правительства диктовал новые правила для формирования иного физического облика городов, что превращало их в менее помпезное «утилитарное» скопление архитектурных объектов. Так как архитектура является наиболее репрезентативным элементом физического пространства города с точки зрения политического и идеологического контроля государства, то позволительно будет говорить и о столь явной проекции политизированного социального пространства на оформляющие его физические объекты. По словам французского социолога П. Бурдьё, очень детально изучавшего примеры взаимоотношения символического и материального капитала, «архитектурные пространства, несомненно, являются наиболее важными составляющими символическости власти, благодаря самой их незаметности» [1, с. 38].

В данной статье дается анализ технологий конструирования образа власти и моделей его позиционирования в советском символическом пространстве на примере элементов архитектурного комплекса центра города Нальчика. Посредством нескольких, отдельно взятых городских объектов: Дома Советов (сохранившего свое значение на протяжении всего советского периода и предназначавшегося проектно и функционально для использования властными структурами, являясь знаковым выражением указанных) и прилегающих сооружений – автор рассматривает, как формировался комплекс его значений, и как это здание репрезентировало полномочия тех институтов, которые в нем находились. Как говорил об архитектуре города П. Бурдьё: «Присвоенное пространство есть одно из мест, где власть утверждается и осуществляется, без сомнения, в самой хитроумной своей форме – как символическое или незамечаемое насилие...» [Там же].

Исследовательская работа будет проводиться посредством использования приемов и средств символического видения физической и социальной реальности, т.е. семиотического метода в социальном исследовании архитектуры. Суть данного метода заключается в том, что любое сооружение (или его часть, например, интерьер или окружающий ландшафт) рассматривается как знак («предполагая, что оно таковым и является» [15, с. 33]) – элемент, представляющий посредством себя тот или иной процесс, явление, событие, сферу отношений и т.п. и заменяющий их другой формой, более емкой или же образной, а также предлагающий некоторое сообщение (поле информации для размышления) тем, кто на него смотрит. В этой работе, если следовать концептуальным моментам У. Эко, будет интересно показать, что властные здания не только выполняют назначенную функцию, но и передают некую информацию о себе. Этот сущностный слой можно продемонстрировать при анализе как зданий, не предназначенных для прямого «расположения» власти и активно используемых ей (например, дом, в котором располагались первые советы, активно применялся советской властью как символ в конструировании семиосферы города Нальчика и республики, хотя и не выполнял более своих функций, не денотировал их, являясь знаком), так и физических объектов города, вы-

полняющих прямую социальную и политическую функцию. Основным вопросом в данной статье является вопрос о том, как здание Дома Советов, расположенное в городе Нальчике, стало яркой репрезентацией образа власти и образа центрального города в символическом пространстве Кабардино-Балкарской АССР (КБА ССР) и ее столицы (в периодической печати, на открытках, в сознании людей).

Пожалуй, стоит начать с аналитического раскрытия семиотики места расположения Дома Советов и прилегающего к нему пространства. Осознание окружающей действительности посредством создания развитого комплекса символических (или мифологических) конструкторов, было очень характерно для советского образа мысли, тем более на начальном этапе строительства социалистического общества, что отмечает ряд исследователей [7; 14]. На мой взгляд, необходимо отметить то обстоятельство, что, выбирая под строительство главного административного здания в городе периферию населенного пункта, проектировщиками предполагалось не только найти и выделить часть свободной земли, не имеющей хозяйственной ценности, но и сформировать границы и основные точки социального пространства [16, с. 88] нового города. Особо хотелось бы обозначить следующий момент, касающийся проблемы соотношения центра и периферии, априорной неотделимости этих двух сросшихся элементов иерархического устройства системы города. Город, как и любой актуализированный элемент социального универсума, или его целая манифестация, имеет в своей структуре социальное пространство и его объективированную реализацию – физическое пространство. Со-существование двух противоположностей рассматриваемой дихотомии («центр-периферия») в данном контексте исследования позволяет подтвердить определенную рабочую установку на то, что эти пространственно-временные дифференциации не могут быть выявлены как полностью отделившиеся друг от друга. Центр как часть целого (городской территории), «противоположность» периферии не может существовать отдельно от последней, не может быть обозначен как таковой без противопоставления. В процессе конструирования городского пространства происходит трансляция наделяемых качеств центра и периферии на сегменты физического пространства посредством обозначений, акцентируемых (с точки зрения позиций социального порядка), с одной стороны, как иерархически более стабильных, качественных, лучших (с экономической, культурной и т.д. сторон), и с другой, как более размытых, массовых (с точки зрения заселения и потребления). Границы, разделяющие центр и периферию, путешествуют в пределах физического пространства города постоянно. Они, на мой взгляд, занимают диспозиции смещающихся пространств. То есть, после преобразования традиционной перспективы городской территории советского Нальчика новая сегментация физического и, как обратная сторона процесса, социального пространства создала иное «различение» (используя философские понятия [3; 6]) означающих и означаемых «городского текста». Иными словами, созданные первоначально статичные оппозиции территории оказались динамичными; формирующие различия пространств города не исчезли, а просто сместились. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что происходила расчистка старого городского центра от прежних доминант и формирование официального образа нового города как столицы КБА ССР.

Теперь остановимся на двух важных властных репрезентациях города Нальчика. Площадь Советов являлась территорией коллективных гуляний и политических демонстраций и одновременно конечной точкой шествия по ул. Ленина во время последних. «Памятник Ленину или площадь его имени становились центрами ритуальной жизни города или поселка...» [13], что позволяет рассмотреть данный объект как «означающее, коннотирующее просемические значения» [15, с. 252].

Отсюда люди расходились на маевки, получая возможность вернуться в личное пространство. Интересно отметить расположение проспекта им. Ленина и площади Советов как центробежного и центростремительного пространств в физической системе координат Нальчика. При этом в социальном пространстве власти значение площади и проспекта остается таким же. То есть налицо сложение (точнее будет сказать вложение) двух пространств в одно, что характеризует город Нальчик как суть пространство, стремящееся к доминанте политической власти в отношении организации внутренней среды столицы. Сочетание личного и публичного пространства активно происходило именно в границах площади перед Домом Советов. Физическое выражение социального публичного (перемещаясь по площади, человек попадал в поле зрения власти, становился частью общего ритуала) – отдать дань основоположнику коммунистической партии (здесь он уже позиционировался как советский гражданин, так как только он мог быть допущен, точнее, именно он должен был понимать всю суть происходящего). Отсутствие мавзолея компенсировалось памятником В. И. Ленину. Собрания у Дома Советов становились своеобразной, но от того не менее выразительной и демонстративной проекцией мероприятий на Красной площади Москвы [13]. Представители местной власти показывали себя продолжателями дела Ленина, а участники шествий (даже если просто совершались прогулки по площади) «причащались» тела Владимира Ильича. Правда, можно отметить одно строгое противопоставление. В момент своего обычного променада или просто при пересечении площади, житель города мог приблизиться к монументу Ленина, т.е. «занять» пространство власти, точнее адаптировать (трансформировать) его небольшую часть. Пересечение границ властного не пресекалось и не наказывалось, но даже выполняло важную идеологическую функцию: легитимация власти через признание народом «потребляемых» установленных правил и полномочий, т.е. субъектное картографирование территории происходило с разрешения официального органа, но при формальном согласовании с социальным агентом. А во время шествия, демонстрации происходило одностороннее исключение из этого фрейма физического и, как следствие, социального пространства всех неразрешенных посетителей посредством обязательного следования демонстрантов по проезжей части проспекта.

Памятник Ленину перед Домом Советов обращен с характерным жестом к зданию. При том, что рукой Вождя происходит актуализация власти народа [5, с. 150], подразумевалась также такая символическая сторона констатируемого факта вытянутой руки, как «указывание-указание» направления в великое коммунистическое будущее. Это можно отметить и по взгляду Ленина, который направлен вдаль. Но при всем этом размахе глобального революционного пафоса можно выделить такой сопутствующий момент, как то, что все монументальное тело и вся сильная личность создают должный прагматический имидж Партии и ее властной архитектуры, в образе Дома Советов и всего окружающего комплекса. Это конструируется тем же жестом Ленина на грандиозное здание и дает возможность человеку, проходящему мимо, увидеть близость Вождя и Партии, которую к тому же он «ненароком» представляет как единственную силу и которая потенциально может привести советский народ к коммунизму. Этот момент отлично вербализирует С. Жижек: «Самая примитивная форма символического насилия – это, конечно, форма принудительного выбора: “Ты свободен выбирать при условии, что сделаешь правильный выбор!”» [4, с. 42].

Интересна с точки зрения семиотики власти и степени репрезентации огромная гранитная плита – «Доска Почета» – с именами передовиков производства, располагавшаяся слева от Дома Советов [8]. С одной стороны, она представляет отчет о достижениях народного хозяйства (о чем говорит изображенная на ней огромная кукуруза), т.е. деятельности людей во главе с Коммунистической партией, персонифицируемой в отдельно взятых личностях и объективированной в самой этой плите. С другой стороны, близость знака (имени), репрезентирующего того или иного человека, достигшего результатов не без помощи Коммунистической партии (о чем и говорит данная близость к главной властной инстанции), возвышает его в глазах общества (родных, соседей, знакомых), делает уже его личность объектом для подражания, повышает социальный статус личности (значимость, ценность появления своей фамилии для человека обеспечивалась не наличием имени на плите, а тем прагматическим набором регалий и благ, который это наличие предоставляло) [2; 11] посредством репрезентации его подвига перед страной, т.е. плиты, установленной той самой властью, с которой он работал рука об руку. Получается своеобразный обмен комплиментами, сконструированный доминирующим агентом коммуникации – государством. При такой интеракции двух социально значимых субъектов присутствует (точнее будет сказать, участвует в ней) простой житель города, который участвует в этом социальном «спектакле» в качестве зрителя, наблюдателя. «Доска Почета» также может рассматриваться как элемент пространства «исключения» (термин Фуко, обозначающий одну из технологий власти) – «включения» как признак дисциплинарной власти и как элемент дискурса власти. Плита у Дома Советов представляется в рамках последнего момента как стремление быть постоянно подле власти, под её защитой (даже если не веришь в нее). Имя того или иного ударника на плите характеризуется двояким значением. С одной стороны, человек сделал пользу республике и ему дано право иметь свое имя на ней, он заработал это формальное право своими заслугами, с другой, – партия сама решила, что этот человек может быть частью знакового сооружения. То есть, по Жижеку, человек верит в идеалы коммунизма посредством Плиты, независимо от того, делает он это с точки зрения рационального вывода, или же бессознательно. «Субъекты больше не верят, но за них верят сами вещи» [5, с. 20-21]. Особенно заметной иллюзия образа, создаваемого данной плитой, стала в позднесоветский период, когда произошел перелом в официальном идеологическом взгляде и крах надежд, связанных с эсхатологическими (коммунистическими) представлениями самих жителей советского государства. Если в период начала строительства Дома Советов (1930-е гг.) состояние «дороги к коммунизму» было налицо, о чем в 1970-е гг. все еще можно встретить в советском учебнике по обществоведению для средней школы указание на то, что «еще до войны был сделан вывод о полной победе социализма в СССР» [9, с. 229], то в 1950-1970-е гг. уже сформировался особый тип восприятия действительности и даже его репрезентации, «тоталитарная мифология лишилась своего психологического и интеллектуального оправдания» [12, с. 198-199; 13]. Если взять одну из дихотомий В. Паперного «начало - конец» [10, с. 41-60], в понятиях которой он рассматривает культуры 1920-х и 1930-х гг., то идеологические напластования 1950-70-х гг. можно обозначить добавлением еще одного «начала» в указанной рядоположенности: происходило разрушение старых идеалов (в т.ч. и архитектурных канонов), затвердевание социальной действительности, происходило «начало» движения по вновь заказанной накатанной.

Подводя итог, хочется сказать следующее: изучение развития советского семантического пространства и его форм выражения на территории города Нальчика открывает новое видение политического дискурса, который, как было продемонстрировано на нескольких примерах, реализовывался не только в виде нарративного (текстуального) материала, но и имел практический выход посредством других, визуально представленных культурных артефактов: архитектуры, городского планирования, дизайна ландшафта – что делает данный исследовательский шаг важным дополнением к ранее изданным работам по социальной, экономической, демографической истории КБА ССР и города Нальчика.

Список литературы

1. Бурдые П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Бурдые П. Социология политики / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
2. Голофаст В. Б. Люди и вещи // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 58-65.
3. Гурко Е. Тексты деконструкции. Деррида Ж. Differance. Томск: Водолей, 1999. 160 с.
4. Жижек С. 13 опытов о Ленине / пер. с англ. А. Смирнова. М.: Ad Marginem, 2003. 254 с.
5. Жижек С. Возвышенный объект идеологии / пер. с англ. В. Софронова. М.: Художественный журнал, 1999. 234 с.
6. Ильин И. П. Постмодернизм: словарь терминов. М.: ИНИОН РАН; INTRADA, 2001. 344 с.

7. **Кабардино-Балкария:** фотоальбом. Нальчик: Эльбрус, 1971.
8. **Коновалова Ж. Ф.** Миф в советской истории и культуре: дисс. ... докт. филос. наук. СПб., 2001. 329 с.
9. **Обществоведение:** учебник. М.: Политическая литература, 1975.
10. **Паперный В.** Культура два. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 384 с.
11. **Попова И. М.** Повседневные идеологии // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 5-21.
12. **Резинко Д. Б.** Идеологические практики в контексте советской модернизации (социально-философский анализ): дисс. ... канд. филос. наук. М., 2002. 231 с.
13. **Топорков А. Л.** Мифы и мифология XX века: традиция и современное обращение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1/htm> (дата обращения: 12.12.2010).
14. **Эдельман О.** Легенды и мифы Советского Союза // Логос. 1999. № 5 (15). С. 52-65.
15. **Эко У.** Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. А. Г. Погоняйло и В. Г. Резника. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. 432 с.
16. **Янковская Ю. С.** Семиотические механизмы архитектуры // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 32. С. 81-88.

AUTHORITY SEMIOTIC SPHERE IN SOVIET NAL'CHIK PHYSICAL SPACE

Artem Mikhailovich Kal'nin

Department of History and Ethnography of Kabardino-Balkaria peoples
Kabardino-Balkaria State University
dominicanes3@rambler.ru

The author presents the brief analysis of the symbolical space of Nal'chik city center as the capital of the Kabardino-Balkaria Autonomous Soviet Socialist Republic considered through the prism of the ideological discourse of the soviet state and considers such aspects of the social-political existence of city space as the regulation of the relations of authorities and citizens by means of the city architectural standard.

Key words and phrases: authority; city; semiotic sphere; social and physical space; Nal'chik.

УДК 94(470.344)«1929/1940»

В статье на материалах Чувашии показывается низкая эффективность различных форм агитационно-пропагандистской работы по вовлечению крестьян в коллективные хозяйства. Основное внимание в работе автор акцентирует на роли организационно-хозяйственного укрепления колхозов и улучшения их работы в преодолении отрицательного отношения единоличников к коллективным формам хозяйствования.

Ключевые слова и фразы: крестьянство Чувашии; коллективизация сельского хозяйства; агитационно-пропагандистская работа; организационно-хозяйственное укрепление колхозов; машинно-тракторные станции; совхозы.

Евгений Витальевич Касимов, к.и.н.

Кафедра отечественной и региональной истории

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева

kasimov-evg@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ АГИТАЦИОННЫХ МЕТОДОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КРЕСТЬЯНСТВО ЧУВАШИИ В ПРАКТИКЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ®

Долгое время в отечественной историографии упор делался на показ добровольности коллективизации сельского хозяйства. Исследователи писали про неуклонное проведение в жизнь Коммунистической партией ленинского указания о подведении крестьянских масс на их собственном опыте к осознанию необходимости перехода на путь общественного ведения хозяйства. Приводились факты, какую роль в убеждении крестьян в превосходстве крупного хозяйства сыграли колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции (МТС). Освещались многочисленные формы вовлечения крестьян в коллективные хозяйства: проведение конференций единоличников, приглашение селян на колхозные отчетные собрания, помощь индивидуальным хозяйствам в проведении сельскохозяйственных работ и др. Нарушения принципов добровольности, особенно наблюдавшиеся зимой-весной 1930 г., оценивались в литературе как незначительный эпизод по сравнению с гигантской положительной работой, выполненной партией по осуществлению коллективизации. Подчеркивалось, что все ошибки и «перегибы» были быстро и своевременно исправлены, советское правительство и ЦК ВКП(б) разработали широкую программу организационной, материальной и финансовой помощи колхозам и колхозникам.

Сегодня, когда исследователи наглядно показали наличие широкого принуждения (как экономического, так и внеэкономического) в ходе проведения политики сплошной коллективизации, важно не бросаться в